

1612

ОСВОБОЖДЕНИЕ

АЛЕКСАНДР
НЕЧВОЛОВДОВ

ИСТОРИЯ СМУТНОГО
ВРЕМЕНИ В РОССИИ

ОТ БОРИСА ГОДУНОВА
ДО МИХАИЛА РОМАНОВА

1612. Освобождение

Александр Нечволодов

**История Смутного времени в
России. От Бориса Годунова
до Михаила Романова**

«Алисторус»

2013

УДК 94(47)
ББК 63.3

Нечволодов А. Д.

История Смутного времени в России. От Бориса Годунова
до Михаила Романова / А. Д. Нечволодов — «Алисторус»,
2013 — (1612. Освобождение)

ISBN 978-5-4438-0216-9

Данная книга включает посвященные событиям Смутного времени исследования известного дореволюционного историка и генерала Александра Нечволодова. Автор использовал при работе над ней многочисленные источники на польском, греческом, латинском, французском и немецком языках, а также труды знаменитых историков и ученых: Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, И. Е. Забелина, В. О. Ключевского, С. О. Платонова, А. А. Шахматова, Н. П. Кондакова, А. И. Соболевского, Н. П. Лихачева и других. При Советской власти книга была практически уничтожена, а данный текст только чудом сохранился в библиотеке газеты «Красная звезда». «Предлагаемая книга, – говорил сам автор, – написана с целью дать возможность каждому русскому человеку изучить жизнь и дела своих предков в давние времена».

УДК 94(47)
ББК 63.3

ISBN 978-5-4438-0216-9

© Нечволодов А. Д., 2013
© Алисторус, 2013

Содержание

Царствование Феодора Иоанновича	6
Годунов-правитель	8
Учреждение Патриаршества	15
Убиение царевича Димитрия	16
Царь Борис	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Нечволодов
История Смутного времени в России. От
Бориса Годунова до Михаила Романова
© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

Царствование Феодора Иоанновича

Грозному царю наследовал смиренно-блаженный Феодор Иоаннович, вступивший на родительский престол двадцати семи лет от роду. Он был человеком небольшого роста, приземистым и опухлым, с ястребиным носом, нетвердой походкой и постоянной улыбкой на устах; он был очень прост, «бе бо, – по словам «Временника» дьяка Тимофеева, – естеством кроток и мног в милостех ко всем, и непорочен... паче же всего любя благочестие и благолепие церковное», но совершенно не склонен к занятиям государственными делами.

Очевидно, власть должна была перейти в руки тех, кто его окружал. Это были все близкие люди покойному государю, уцелевшие от разгрома, которому была подвергнута боярская среда, и выдвинутые или родственными связями с Грозным, или своею верною ему службою.

На первом месте стоял престарелый боярин Никита Романович Юрьев-Захарьин, родной дядя молодого царя по матери, отличавшийся, по общему отзыву современников, такими же светлыми душевными качествами, как и покойная сестра его – царица Анастасия Романовна. Даже ливонские летописцы с восторгом рассказывали, как великодушный Никита Романович, взяв город Пернау, позволил его жителям удалиться со всем их имуществом. За ним следовали: князь Иван Феодорович Мстиславский, сын двоюродной сестры Грозного, очень родовитый, но незначительный сам по себе человек, и Борис Феодорович Годунов, шурин государя и брат царицы Ирины, к которой молодой царь питал беспредельную привязанность.

Важное значение имел также решительный, смелый и честолюбивый Богдан Бельский, воспитатель царевича Дмитрия, выдвинувшийся своею службою в опричнине и родством с Малютой Скуратовым и Борисом Годуновым.

Затем шло несколько князей Шуйских, во главе со знаменитым защитником Пскова князем Иваном Петровичем, заслужившим доверие Грозного своею верною службою. Наконец, умные и хитрые думные дьяки – братья Андрей и Василий Щелкаловы – тоже принадлежали к самым близким людям царя Феодора.

Отдельно от описанного выше кружка держались Нагие, родные царицы Марии, матери царевича Дмитрия.

По-видимому, окружающие царя Феодора опасались неприязненных действий со стороны Нагих; как только умер Грозный, то тотчас же они распорядились запереть все входы в Кремль, уставили на стенах стражу и держали пушки наготове с зажженными фитилями, на случай народного движения в пользу младенца Дмитрия. На другой день была принесена высшими чинами торжественная присяга Феодору, а Дмитрия вместе с матерью и Нагими поспешили удалить в Углич, данный ему в удел. Это удаление не имело, однако, вида суровой опалы.

Из Углича в день именин царевича, 19 октября, посылались по обычаю к государю и его семье пироги, а Феодор Иоаннович отдаривал царицу Марию Нагую дорогими мехами.

Богдан Бельский, воспитатель Дмитрия, оставался после его удаления в Углич некоторое время в Москве, но скоро в народе разнесся слух, что он хочет известить царя Феодора. Чернь заволновалась. К ней пристали находившиеся в это время в столице влиятельные рязанские люди – Ляпуновы и Кикины; огромная толпа подступила к Спасским воротам в Кремле, навела на них пушку и требовала выдачи Бельского. Тогда царь велел объявить, что последний сослан им в Нижний Новгород, и народ успокоился. Был ли действительно виноват Бельский в какой-либо крамоле или слух об этом был пущен недоброжелателями, с целью вызвать его удаление от двора, – неизвестно.

Первое время по воцарении Феодора наибольшее влияние на дела имел дядя его – боярин Никита Романович; вскоре, однако, он был разбит параличом, а затем и умер, вверив Борису Годунову перед кончиною своих детей от брака с Евдокией Александровной Горбатой-Шуй-

ской – молодых братьев «Никитичей», как их звали в народе, и взяв с него клятву на верность с ними «завещательному союзу дружбы».

Годунов-правитель

После смерти Никиты Романовича Борис Годунов становится во главе правления и скоро сосредоточивает в своих руках небывалую власть над государством.

Жизнь этого человека, имевшего огромное значение в судьбах Русской земли, замечательна. Потомок крещеного татарского мурзы Чета, приехавшего в Москву при Иоанне Калите, Борис Годунов уже в молодых годах был близким человеком к Грозному, состоя при царском саадаке (лук и колчан со стрелами), и быстро вошел в его полную доверенность, чему способствовала женитьба Годунова на дочери Малюты Скуратова, а затем и брак его сестры Ирины с Феодором Иоанновичем.

Захват Борисом власти не обошелся, разумеется, без борьбы, но долгая служба в опричнине выучила Годунова не стесняться в средствах при ее ведении. Приближенные люди при царе Феодоре разделились, за несколько времени до смерти Никиты Романовича, на две партии: во главе одной был Борис Годунов, сблизившийся с братьями Щелкаловыми, верно оценившими, что сила на его стороне, причем Андрея Щелкалова Борис назвал даже себе отцом, хотя незадолго перед этим он назвал себе отцом и князя И. Ф. Мстиславского; к другой партии принадлежали: помянутый князь И. Ф. Мстиславский, князь Воротынский, Головины, Колычевы, а также и князья Шуйские, очень любимые всем московским населением – купцами, горожанами и чернью.

Говорят, что Мстиславский, после долгих отказов, согласился известить Годунова отравой у себя на пиру; но это было вовремя открыто; его схватили и насильно постригли в Кирилло-Белозерском монастыре, где он и умер. Воротынские же, Головины, Колычевы и многие другие были заточены по разным городам или отправлены в ссылку; при этом один из Головиных – Михайло – бежал за рубеж к королю Стефану Баторию.

Шуйских Борис пока не тронул, опасаясь, очевидно, большой любви к ним со стороны московских жителей; он даже пошел с ними на мировую. Посредником в этом был митрополит Дионисий, человек тонкого ума и сладкоречивый, но достойный и добрый пастырь, искренно служивший делу умиротворения. Когда, после примирения своего с Годуновым, князь Иван Петрович Шуйский вышел из Грановитой палаты, то был встречен на площади толпой торговых людей, причем два купца подошли к нему и сказали: «Помирились вы нашими головами; и вам от Бориса пропасть, да и нам погибнуть».

По рассказу летописца, Борис, злобясь на Шуйских, научил их дворовых людей – Феодора Старкова с товарищами обвинить своих господ в «измене». Шуйские были перехвачены вместе со своими друзьями – князьями Татевыми, Урусовыми, Колычевыми, Быкасовыми и другими. Началось следствие, сопровождавшееся страшными пытками и великим кровопролитием, ничего, однако, не обнаружившее. Кроме перечисленных выше лиц, пытали также семь человек московских гостей, но и они ничего не показали.

После следствия доблестный князь Иван Петрович Шуйский был отправлен на Белоозеро и там, по свидетельству летописца, удушен; другой Шуйский – князь Андрей Иванович, по тому же свидетельству, был удушен в Каргополе; сторонники Шуйских были разосланы по разным городам и тюрьмам, а семи московским гостям были отрублены головы.

Доблестно исполнив святой долг свой – печалования за невинных, Дионисий и Варлаам были свергнуты, обнесенные Годуновым, и заточены в новгородские монастыри. Вместо же Дионисия митрополитом был поставлен ростовский епископ Иов, человек, всецело преданный Борису.

Таким образом, после низвержения Дионисия Годунов освободился от всех опасных себе людей и безгранично захватил власть в свои руки. Это было достигнуто им в течение трех с небольшим лет. Во всех отраслях управления, как в Москве, так и в городах, были поставлены

люди, на безусловную преданность которых он мог рассчитывать. Английский посол Флетчер, прибывший в Москву в начале 1589 года, говорит по этому поводу, что «в настоящее время многие из этих важных мест занимают и вместе с тем правят почти всем государством Годуновы и их приспешники».

Вместе с тем, чтобы выделиться от всех остальных подданных, Борис создал для себя несколько весьма пышных наименований и величался: «Царский шурин и правитель, конюший боярин, и дворовый воевода, и содержатель великих государств, царств Казанского и Астраханского». Доходы его были огромны: он получал до 93 700 рублей ежегодно и, говорят, мог с родственниками, которые все были щедро наделены, выставить со своих имений до 100 000 вооруженных людей.

Кроме того, для вселения в народе как можно большего уважения к царице Ирине и к ее роду, Борис создал целый полк, весьма нарядно одетый, особых царицыных телохранителей, сопровождавших ее вместе со знатнейшими боярынями на всех выходах и во время богомольных походов. Наконец, по приговорам Боярской думы в 1588 и 1589 годах, Годунов получил важное право сноситься с иностранными государями от собственного имени, и в Посольском приказе были заведены особые «книги, а в них писаны ссылки царского величества шурина» с иностранными правительствами.

Двор Бориса представлял точное подобие царского. Он с теми же обрядами, как и царь, принимал иностранных послов и, как истый выскочка, при всяком удобном случае давал им ясно понять, что, собственно, все зависит не от государя, а от его воли. Ловкие иностранцы, разумеется, быстро сообразили, с кем имеют дело; они рассыпались перед ним в лстивых выражениях, величали его «пресветлейшим вельможеством» и «пресветлым величеством» и получали от восхищенного этим Бориса огромные льготы, зачастую прямо в ущерб русским выгодам, причем на их челобитные ответ писался «по повелению великого Государя, а по приказу царского величества шурина».

Несмотря, однако, на помянутые выше казни и жестокость Бориса-правителя, царствование Феодора Иоанновича почиталось летописцами очень счастливым, особенно по сравнению с печальными временами, наступившими в последние годы жизни его отца, когда Баторий, а затем и шведы нанесли нам ряд тяжких ударов.

Тишина и сравнительно мирное житие, наступившие с воцарением Феодора Иоанновича, во многом зависели от ряда удачных для нас перемен, произошедших в это время в соседних государствах, главным же образом в Польско-Литовском.

Стефан Баторий после кончины Грозного не только не думал прекратить борьбу с Москвой, но, напротив, вместе с своим верным сподвижником Яном Замоиским питал обширнейшие замыслы о нанесении нам последнего решительного удара. К счастью для нас, все эти замыслы разбились о противодействие его могущественных панов, которые вовсе не желали тяжелой и разорительной войны, опасаясь, в случае ее удачного для Польши исхода, усиления королевской власти над ними. При этом Замоиский возбудил против себя обширную партию, во главе со знатным паном Зборовским, и вместо дружной подготовки к большому походу на Москву почти вся Польша разделилась на два лагеря – Замоиского и Зборовского, причем дело доходило иногда и до кровопролития.

Тем не менее, по воцарении Феодора, Баторий послал в Москву своего посла Льва Сапегу, который, чтобы застрашать нас, объявил, что султан собирается воевать с Москвой, и требовал возвращения всех литовских пленников без выкупа, а за наших пленных запросил 120 000 золотых.

В отношении польских пленников Феодор Иоаннович, следуя внушению своего жалостливого сердца, поступил совершенно по-царски: он выпустил всех их без всякого выкупа, а о своих пленниках приказал сказать, что передает решение вопроса об их участи на волю короля Стефана.

Баторий, однако, этим не удовлетворился: он обращался крайне грубо с нашим послом Измайловым, не отпустил русских пленных и продолжал упорно требовать Смоленска, Северной земли, Новгорода и Пскова; во всем этом его поддерживал уже помянутый нами Михаил Головин, который, убегая в Польшу от злобы Годунова, не постыдился стать там врагом своей земли и уверял Батория, что в Москве идет такая рознь, что ему нипочем будет одержать над нами победу.

Чтобы противодействовать замыслам Венского двора, в Москву был отправлен послом очень любимый, и притом православный, литовец пан Михаил Гарабурда, с предложением заключить прочный мир, но с тем условием, что если первым скончается Баторий, то Феодор становится королем Польским; в случае же если прежде умрет Феодор, то на его место царем московским избирается Баторий.

На это своеобразное предложение московские бояре отвечали с обычным своим достоинством и умением: «Нам про Государя своего таких слов, что ты говорил, и помянуть непригоже; это дело к доброму делу не годится... Как нам про Государя своего говорить? У нас Государи прирожденные изначала и мы их холопы прирожденные; а вы себе выбираете государей: кого выбираете, тот вам и государь... Как нам про Государя своего и помыслить это, не только что говорить? Мы и про вашего государя говорить этого не хотим... Ты, посол великого государя, пришел к великому Кхударю нашему и такие непригожие слова говоришь о их Государской смерти? Кто нас не осудит, когда мы при Государе, видя его Государское здоровье, будем говорить такие слова?»

Гарабурда уехал из Москвы ни с чем. Баторий же продолжал напрягать все свои усилия, чтобы иметь возможность начать новую войну с нами; кроме Замойского он имел в этом отношении другого деятельного пособника: это был иезуит Антоний Поссевин, считавшийся духовником старой жены Батория Анны Ягеллонки и усердно сносившийся с Римом, чтобы завлечь нового Папу Сикста V в замыслы короля против Москвы. Поссевин успел в этом, и Сикст V, несмотря на свою страшную скупость, послал Баторию щедрое вспомоществование для войны с нами (250 000 скудий).

Но в самый разгар приготовлений к этой войне, 12 ноября 1586 года, Баторий умер, а с его смертью рухнули, разумеется, и все его замыслы.

В Польше же снова наступило бескорольевье, ознаменовавшееся крайне обостренной борьбой между партиями Замойского и Зборовского. Зборовские стояли за избрание в короли брата немецкого императора Рудольфа – эрцгерцога Максимилиана, того самого, про которого был пущен в Польше слух, что его хотят избрать московские бояре после Феодора Иоанновича, а Замойские выставляли своим избранником королевича Сигизмунда, сына известной Екатерины Ягеллонки и Иоганна Шведского.

Обе партии расположились военными станами под Варшавой на левом берегу Вислы, готовые, в случае нужды, поддержать с оружием в руках своих ставленников; в это же время на правом берегу Вислы расположилась особым станом и третья партия – литовская, выставив своим избранником царя Феодора Иоанновича.

Московское правительство было очень озабочено возможностью избрания королевича Сигизмунда, который должен был наследовать после короля Иоганна и шведский престол и соединить, таким образом, в своем лице обоих наших врагов – Польско-Литовское королевство и Швецию. Ввиду этого в Варшаву на избирательный сейм решено было отправить большое посольство во главе с боярином Степаном Годуновым, князем Феодором Троекуровым и дьяком Василием Щелкаловым, которое должно было заявить, что, в случае избрания Феодора Иоанновича польско-литовским королем, Литва и Польша будут пользоваться полным внутренним самоуправлением и, кроме того, Москва уплатит все долги, сделанные Баторием на содержание войска. Это посольство встретило очень радушный прием в Варшаве со стороны многих, но крупной его ошибкой было, что оно не привезло с собою денег.

Однако и без денег московская сторона была очень сильна не только среди Литвы, но и между поляками. Многие поляки высоко оценили милостивый поступок царя Феодора, отпустившего всех пленных без выкупа, и, конечно, тогда уже сознавали выгоды соединения двух родственных славянских государств. Когда выставили в поле три знамени – московское с изображением шапки, австрийское с немецкой шляпою и шведское с сельдью, то под русскою шапкою оказалось такое громадное большинство, что, по словам Н. М. Карамзина, «друзья Австрии и шведов, видя свою малочисленность, от стыда присоединились к нашим».

Но иначе сложились обстоятельства на собрании вельмож – в «рыцарском коле», когда дело коснулось, по выражению литовских панов, «трех колод», которые надо было пересечь. Поляки требовали: 1) чтобы государь короновался в Кракове, в костеле; 2) чтобы в титуле он писался прежде королем Польским и великим князем Литовским, а потом уже царем Московским и 3) чтобы он перешел в латинство.

Разумеется, послы наши не могли согласиться на эти требования – «хотя бы, – говорили они, – и Рим старый, и Рим новый, царствующий град Византия начали прикладывать к нашему Государю, то как ему можно свое государство Московское ниже какого-нибудь государства поставить?»

Переговоры с поляками об избрании кончились ничем.

Литовские же паны продолжали еще некоторое время настаивать на избрании Феодора Иоанновича; воеводы виленский Христоф Радзивилл и трокский Ян Глебович тайно говорили нашим послам: «У нас писаное дело, что немецкий язык славянскому языку никак добра не смыслит: и нам как немца взять себе в государи?.. Если поляки на избрание вашего Государя не согласятся, то мы, Литва, Киев, Волынь, Подолье, Подляшье и Мазовия, хотим от Польши отодраться...»

Создавшееся положение вещей в Польше с избранием Сигизмунда было, разумеется, на руку Москве и позволило нам быть более настойчивыми в переговорах со шведами, с которыми было много недоконченных счетов.

В 1586 году у нас было заключено с ними перемирие на четыре года; не желая иметь в это время войны, мы временно оставили за шведами Нарву, Ивангород, Яму, Копорье и Корелу. При этом, во время перемирных переговоров, утонул, переправляясь через Нарову, наш злейший враг, известный Понтус Делагарди.

Теперь, по истечении срока перемирия, в 1589 году, Москва настойчиво потребовала от Швеции Нарвы, Ивангорода, Ямы, Копорья и Корелы. «Государю нашему, не отыскав своей отчины, городов Ливонской и Новгородской земли, с вашим государем *для* чего мириться? Теперь уже вашему государю пригоже отдавать нам все города; да и за подъем государю нашему заплатите, что он укажет». Шведы отвечали отказом, и мы объявили им войну.

В январе 1590 года сильная русская рать двинулась к шведским границам; ее вел сам царь, а при нем, в качестве ближних воевод, были: Борис Годунов и двоюродный брат государя – Феодор Никитич Романов. Поход увенчался успехом: удалой начальник передового полка, князь Хворостинин, разбил шведского генерала Банера у Нарвы, и затем наши войска осадили самый город. Опасаясь потерять его, шведы предложили годовое перемирие, с уступкой нам Ивангорода, Ямы и Копорья. Мы потребовали также и Нарвы, но затем согласились на предложенные перемирные условия, оставив за шведами Нарву и Корелу; нет сомнения, что Нарва была бы нами взята, но, как мы говорили, Годунов, вершивший все дела, не обладал военными дарованиями.

Во всяком случае, поход этот принес немалые плоды: Польша и Швеция увидели, что Московское государство, после неудач, испытанных в последние годы Грозного, вновь оправилось. В следующем же, 1591 году мы заключили двенадцатилетнее перемирие с Польшей, а со шведами война возобновилась и тянулась до смерти короля Иоганна. После нее сын его, Сигизмунд Польский, стал и королем Шведским, однако ненадолго. Он сейчас же вступил в

борьбу с дядей своим Карлом, оставшимся правителем Швеции, и в скором времени вызвал к себе общую ненависть за крайнюю вражду, внушенную ему иезуитами, к лютеранскому населению Швеции, а затем лишился и отцовского престола, который занял Карл, с наименованием IX. Карл этот заключил с Москвой перемирие в 1593 году, а в 1595 году – вечный мир; Нарва была оставлена за шведами, а мы, кроме Ивангорода, Ямы и Копорья, получили Корелу до города Колы; вместе с тем между обоими государствами была установлена вольная торговля.

Так благополучно сложились при царе Феодоре наши отношения с Польшей и Швецией.

Не менее благополучно сложились в первые годы его царствования и наши дела с Крымом; там поднялись жестокие усобицы, причем о нападении на Москву не было и речи. Вместе с тем усилившееся казачество – запорожское, донское и терское – постоянно отвлекало своими нападениями татар от похода против Москвы.

Только в 1591 году, когда в Крыму прочно утвердился хан Казы-Гирей, последний задумал совершить внезапный набег на Москву. В июне месяце неожиданно пришло известие, что он идет с полутораста тысячами человек прямо к столице.

Тогда воеводам, стоявшим на Оке, спешно велено было тоже идти к самой Москве, и к 1 июля у Данилова монастыря войска наши сосредоточились в лагере, укрепленном телегами, или в так называемом «обозе». В этом лагере соорудили церковь во имя святого Сергия и поставили икону Божией Матери, бывшую с Димитрием Донским на Куликовом поле. Вокруг же всех дальних городских слобод и посадов были поспешно заложены деревянные стены с воротами и башнями; этот деревянный город был метко прозван народом Скородомом, или Скородумом.

Государь сам объезжал войска, жаловал воевод и всех ратных людей милостивыми словами, а затем, по обыкновению, удалился молиться.

4 июля татары появились под Москвой, начали жечь окрестности и вступили в мелкие стычки с передовыми нашими войсками. Все находились в тревожном ожидании; один только царь был совершенно спокоен и, увидев слезы на глазах боярина Григория Годунова, сказал ему, чтобы он утешился, так как татар завтра же не будет. Слова его оправдались.

Хан, расположившийся на Воробьевых горах, был встревожен ночью большим шумом в Москве и выстрелами из множества пушек; он поверил сообщению пленных, что к нам пришла подмога из Новгорода, и опрометью побежал назад, не дождавшись рассвета.

Радость была общая: в память отражения хана был заложен Донской монастырь и несколько дней подряд шли пиры в Грановитой палате; честь же победы над татарами была почти всецело приписана Борису Годунову; кроме множества подарков, он получил, вдобавок ко всем своим пышным наименованиям, звание Слуги, пожалованное до него, как мы помним, только трем лицам: князю Семену Рязанскому, отец которого спас юного Иоанна III от злобы Шемяки, князю Ивану Воротыньскому – за знаменитую Ведровскую победу над Литвой и при Грозном – князю Михаилу Воротыньскому, отличившемуся при взятии Казани и нанесшему поражение крымцам на Донце.

Скоро убежавший из-под Москвы хан Казы-Гирей стал смиренно просить государя простить ему его набег, что, впрочем, было только хитростью; в следующем же, 1592 году он послал своего калгу (наследного царевича) произвести внезапное нападение на наши рязанские и тульские владения, откуда было уведено много пленных. Однако необходимость помогать туркам в войне последних с австрийцами заставила хана искать с нами прочного мира, и в 1594 году он выдал московскому послу князю Щербатову шертную грамоту.

В 1586 году к царю Феодору явились послы от кахетинского (в Грузии) князя Александра, которому одновременно грозили турки и персы; Александр просил принять его в наше подданство и прислать ратную помощь, вследствие чего царь дважды посылал свое войско против его недруга и соседа – шамхала Тарковского, но воевать с турками Москва отказалась, хотя и вела переговоры об этом со знаменитым персидским шахом Аббасом Великим.

Вел с нами переговоры о войне с турками и немецкий император Рудольф II; он неоднократно посылал под этим предлогом своих послов к Феодору, из коих один – Варкоч оставил весьма любопытные записки о своих поездках в Москву; однако истинной целью этих посольств была не война с турками, а желание получить от богатого московского государя крупное денежное вспомоществование. Денет в Москве Рудольфу не дали, но помогли иным образом. В 1595 году в Прагу прибыл целый караван с «вспоможением» от государя, который «по прошенью и челобитью шурина своего, Бориса Феодоровича Годунова» прислал множество шкур соболей, куниц, лисиц, белок, бобров и лосиных кож, занявших в императорском дворце до 20 комнат.

Пражские купцы оценили посылку в 400 000 рублей, кроме трех сортов соболей, которым не умели наложить цены по их дороговизне.

Папы Григорий XIII, Сикст V и Климент VIII также вели пересылку с Москвой; они старались склонить ее к войне с турками и повторяли свои попытки о введении унии, причем предлагали вновь прислать уже знакомого нам иезуита Антония Поссевина, зорко следившего за всем, что делается в Москве.

Мы видели, что под конец царствования Грозного отношения наши с Англией испортились. Но честолобивый Борис Годунов, заискивавший в расположении иностранных государей, и умная и ловкая Елизавета Английская, искавшая выгод для своих купцов, быстро их поправили.

О том, насколько Годунов ухаживал за англичанами, можно судить по следующим словам их же соотечественника Гакльюта, составившего описание путешествий англичан в Россию: «Способ последнего отправления (из Московского государства) мистера Горсея в Англию был так почетен, что следует описать его. Ему дали открытый лист на почтовых лошадей для него самого и прислуги, запасы и все нужное для такого продолжительного путешествия. В каждом городе, через который он проезжал от Москвы до Вологды, на расстоянии 500 верст по сухопутью, его щедро снабжали лошадьми и всем нужным, также и по реке Двине, на протяжении 1000 верст, он везде получал свежие запасы от царских чиновников. Когда он прибыл в новоукрепленный город Архангельск, его встретил, по царскому приказу, князь Василий Андреевич Звенигородский; стрельцы были расставлены, по обычаю, рядами, и его прибытие праздновалось великолепно. Отсюда, снабдив его запасами и деньгами, отправили на княжеском судне с сотнею гребцов, а также с сотнею стрельцов, ехавших с их головою из дворян на других судах. Когда они доехали до места, где стояли на якоре английские, датские и французские корабли, стрельцы дали залп, а корабли выстрелили, в свою очередь, из 46 орудий; затем Горсея доставили на место жительства в английский дом на Роуз-Айленд. Полнейшим и окончательным доказательством расположения царя и Бориса Феодоровича к мистеру Горсею было то, что на следующий день ему послали дальнейшие припасы на дорогу, которые заключались в следующем: 16 живых быков, 70 овец, 600 кур, 25 окороков, 80 четвериков муки, 600 караваев хлеба, 2000 яиц, 10 гусей, 2 журавля, 2 лебедя, 65 галлонов меду, 40 галенок водки, 60 галенок пива, 3 молодых медведя, 4 сокола, запас луку и чесноку, 10 свежих семг и дикого кабана. Все это было доставлено Горсею одним дворянином от имени государя, а другим от Бориса Феодоровича».

Оживленную переписку с Москвой по торговым делам вел также и знаменитый министр Елизаветы – лорд Вильям Сесил Бэрлей, величавшийся Годуновым в своих грамотах к нему: «Вилим Сисел, честнейшего чина рычард Подвязочный» (он имел английский орден Подвязки, жалуемый обыкновенно владетельным особам).

Удачно сложившиеся внешние отношения при царе Феодоре внесли, как мы говорили, по общему отзыву современников, большое успокоение в жизнь страны и дали возможность правительству заняться устройством внутренних дел.

Борису Годунову обыкновенно приписывают, в бытность его правителем, прикрепление крестьян к земле, приведшее к известному крепостному праву. Как выяснили новейшие исследования, это неверно. Мы видели, в какое расстройство пришло земельное хозяйство в Московском государстве от крутой землевладельческой переборки, произведенной Иоанном Грозным по учреждении опричнины. С другой стороны, мы видели, что до Грозного существовал ряд распоряжений московского правительства, начавшихся еще в XV веке, для затруднения перехода крестьян от одного владельца к другому, ввиду того что эти переходы отражались крайне губительно на хозяйстве.

Меры Бориса Годунова, чтобы поднять народное благоустройство, сильно упавшее в последние годы Грозного, шли в том же направлении – в стеснении перехода крестьян от одного владельца к другому; полное же их прикрепление к земле последовало при царе Василии Ивановиче Шуйском, причем главной причиной этого прикрепления были те крупные долговые обязательства, которые связывали крестьян с землевладельцами.

При царе Феодоре государство для управления было разделено на четыре чети: Посольскую, Разрядную, или Военную, Поместную и Казанского дворца. Четями ведали дьяки, причем первыми двумя – братья Щелкаловы. Кроме четей остались и приказы, во главе которых стояли бояре; Дворцовый приказ, заведовавший царскими вотчинами, был поручен боярину Григорию Васильевичу Годунову; ежегодный доход, поступавший в царскую казну, доходил при нем до 1 430 000 рублей.

В царствование Феодора было построено множество новых городов, особенно со стороны степи, для ограждения наших границ от татарских набегов. Так, были построены: Курск, Ливны, Кромы, Воронеж, Белгород, Оскол, Валуйки; затем в Волжской стороне: Санчурск, Переволока, Царицын; на Урале был поставлен для сидевших здесь казаков, а в 1584 году был заложен на Белом море – Архангельск. Астрахань и Смоленск были обведены каменными стенами; как увидим, это оказалось весьма предусмотрительным по отношению Смоленска, «этого ожерелья» государства, по определению Н. М. Карамзина. Москва тоже укреплялась, для чего был заложен Белый, или Царев, город. Кроме того, в Сибири, окончательно приведенной под власть Москвы при царе Феодоре, было тоже заложено несколько городов.

Для заселения вновь приобретенных обширных сибирских владений русскими людьми правительство прилагало большие заботы. Так, между прочим, до нас дошло распоряжение, что в 1590 году велено было набрать в Сольвычегодске, для отправления в Сибирь на жительство, тридцать человек пашенных людей с женами и детьми и со всем имением, «а у всякого человека было бы по три мерина добрых, да по три коровы, да по две козы, да по три свиньи, да по пяти овец, да по двое гусей, да по пяти кур, да по двое утят, да на год хлеба, да соха со всем для пашни, да телега, да сани, и всякая рухлядь, а на подмогу сольвычегодские посадские и уездные люди должны были им дать по 25 рублей на человека», деньги громадные по тому времени.

Учреждение Патриаршества

При царе же Феодоре произошло и важное событие в русской церковной жизни – учреждение Патриаршего стола в Москве.

Мы видели, что после взятия турками Царьграда московские митрополиты получили совершенно самостоятельное значение и, начиная со святого Ионы, ставились Собором русских епископов. Наследство и заветы Византии, перешедшие в Москву после брака Иоанна Третьего с Софией Фоминичной, и самый рост Московского государства давно уже показывали, что в Москве, Третьем Риме, сохранившем в чистоте древнее православие, естественно подобает быть и Патриаршему столу.

Но как наши государи не торопились с принятием царского титула, так не торопились они с возведением митрополита Московского в патриархи.

Это совершилось только при царе Феодоре. В 1586 году в Москву приехал антиохийский патриарх Иоаким и предложил переговорить об этом деле с другими восточными патриархами, после чего через два года к нам прибыл царьградский патриарх Иеремия в сопровождении митрополита Монеувасийского Иерофея и архиепископа Елассонского Арсения, оставивших записки об этой поездке в Москву.

Иеремия, терпя большую тесноту в Царьграде от султана, сам хотел быть у нас патриархом. Но Борис Годунов желал, конечно, провести в московские патриархи своего человека, преданного ему митрополита Иова, и для этого, с обычным своим лицемерием, прибег к следующему: московское правительство предложило Иеремии занять Патриарший стол, но поставило непременно условием, чтобы он жил не в Москве, а в городе Владимире-на-Клязьме, потерявшем в это время всякое значение, то есть вдали от царя и всех государственных дел.

Конечно, при такой постановке вопроса Иеремия должен был отказаться от своего желания остаться у нас и согласился на поставление патриарха из русских святителей; созванный для этого Церковный собор наметил трех лиц, из числа коих царь выбрал, разумеется по совету Годунова, Иова.

Торжественное посвящение его в патриархи последовало 26 января 1589 года; вместе с тем архиепископы Новгородский, Казанский, Ростовский и Крутицкий были возведены в митрополиты, а шесть епископов получили звание архиепископов: Владимирский, Суздальский, Нижегородский, Смоленский, Рязанский и Тверской. После торжества в Успенском соборе был пир в государевом дворце, во время которого Иов, встав из-за стола, отправился в сопровождении большой свиты на ослати вокруг Кремля, осеняя крестом и кропя водой стены, а затем вернулся к обеду. На другой день он объехал опять на ослати только что построенный большой каменный, или Белый, город, причем его осля часть пути вел сам Борис Годунов.

Убиение царевича Димитрия

Вопрос о наследнике был действительно самым жутким и острым для умной царицы Ирины; жутко и остер он был также и для безгранично развившегося честолюбия ее брата – Бориса Феодоровича Годунова, который отлично понимал, что, после смерти болезненного и бездетного Феодора, с воцарением Димитрия, хотя и сына седьмой жены Грозного, но всеми признаваемого за законного царевича, наступит полный конец его благополучию: власть перейдет в руки Нагих, сестра Ирина пострижется в монастыре, а ему лично предстоит в лучшем случае опала, а то – тюрьма или смерть.

Все это, разумеется, его сильно тревожило и, по обычаю того времени, заставляло усердно прибегать к волхвованию. Особенно жаловал Годунов какую-то ворожею Варвару, которая вместе с другими гадателями предсказала ему, что он будет царствовать, только недолго – «всего лишь семь лет».

По-видимому, с той же целью, и при этом обманным путем, он выманил в 1586 году из Риги проживавшую там с малолетней дочерью вдову бывшего ливонского короля Магнуса – знакомую нам княгиню Марию Владимировну, а затем постриг ее и заточил в монастыре, где она скоро потеряла свою единственную дочь. Таким образом, и эта соперница была устранена.

Но, тем не менее, оставался в живых царевич Димитрий.

Нелюбовь Годунова к Димитрию выразилась не только в ссылке его в Углич, но даже и в запрещении поминать его на ектеньях; это, конечно, имело целью подчеркнуть, что он не настоящий царевич, как сын седьмой жены Грозного, почему и не может считаться в числе членов царского рода. Кроме того, в народе усердно распускались слухи, что малютка любит муки и кровь, с удовольствием смотрит на истязания животных и даже сам убивает их.

Димитрий вместе с матерью и ее братьями Нагими жил в Угличе под строгим надзором царских чиновников, конечно, безусловно преданных Годунову, во главе с дьяком Михаилом Битяговским; вместе с последним в Угличе жил и сын его Данила, а также племянник – Никита Качалов. Битяговские были назначены в Углич по представлению окольничего Андрея Лупп-Клешнина – преданнейшего Годунову человека, причем жена этого Лупп-Клешнина, урожденная княжна Волконская, была неразлучной приятельницей с царицей Ириной. Как рассказывают современники, Битяговский отличался зверским лицом и был послан в Углич нарочито с целью убиения Димитрия, после того как Годунов получил отказ в этом от Владимира Загрязского и Никифора Чепчугова, которым он предложил совершить преступление. Главная мамка царевича – Василиса Волохова, имевшая взрослого сына Осипа, была также ставленницей Бориса. 15 мая 1591 года царевича Димитрия не стало. Однако узнать вполне достоверно, как именно произошла смерть царевича в Угличе, к сожалению, не представляется возможным. Здесь начинается великая темнота в жизни Московского государства, темнота, несомненно, созданная преступной рукой Бориса Годунова и поведшая роковым образом, как и предсказал Флетчер, к страшной смуте, глубоко потрясшей все наше Отечество.

По всем вероятностям, смерть царевича произошла следующим образом: в субботу, 15 мая, царица Мария Нагая, не спускавшая глаз с своего сына, возвратилась с ним от обедни и собиралась обедать. В это время старшая мамка – Василиса Волохова – позвала Димитрия гулять во дворе. Это было, по принятому в том веке счету времени, в шестом часу дня, то есть как раз в то время, на которое указывал Афанасий Нагой в своем рассказе Горсею. Димитрий вышел с крыльца, причем, кроме Волоховой, с ним находились его кормилица Тучкова и постельница Колобова. Вслед за тем царица Мария, оставшаяся в горнице, услышала отчаянные крики женщин, на которые она тотчас же выбежала, и увидела сына, уже бывшего в предсмертных судорогах с перерезанным горлом, в руках своей кормилицы.

По словам «Жития царевича», из которого мы помещаем здесь несколько рисунков, убийство его произошло так: Василиса Волохова вывела Дмитрия за ручку на нижнее крыльцо, где передала его своему сыну Осипу Волохову, державшему в рукаве обнаженный нож. Осип повел его на середину двора и ласково спросил: «У тебя, кажется, государь, новое ожерельице?» Царевич доверчиво вытянул свою детскую шейку, чтобы ожерельице было лучше видно, и отвечал: «Это мое старое ожерелье». В то же мгновение убийца выхватил свой нож и вонзил его в подставленную шею, но, объятый страхом, горла вполне не перерезал, а кинулся бежать. Дмитрий упал, обливаясь кровью. Видя это, кормилица Арина Тучкова, искренно ему преданная, кинулась к нему и припала на землю рядом с ним. На это и выбежала царица.

Очевидно, давно подозревая мамку Волохову в злом умысле, она прямо бросилась на нее и схваченным поленом начала бить по голове, громко крича, что царевича убил Осип Волохов вместе с молодым Даниилом Битяговским и Никитой Качаловым. На происшествие сбежались дворовые. Кто-то кинулся к соборной церкви Спаса и распорядился, чтобы ударили в набат, а другие разбежались по улицам с криками: «Чего сидите? Царя у вас больше нет!» Слух об убийстве царевича быстро разнесся. Первыми прискакали во дворец братья царицы – Михаил и Григорий Нагие, причем последний набросился также на Василису Волохову.

Тем временем соборный колокол продолжал звонить набат; в него звонил вдовый поп, обращенный в пономаря, по прозванию Огурец. Дьяк Михаил Битяговский, слыша набат, поспешил во дворец, причем по дороге пытался взойти на колокольню, чтобы прекратить звон, так как, по всей вероятности, догадывался, что он означал; но Огурец, в своем усердии, заперся в ней и продолжал звонить. Между тем огромная толпа народа успела уже собраться у дворца и находилась, разумеется, в величайшем возбуждении. Как только прибыл дьяк Битяговский, то Михаил Нагой тотчас же указал на него как на главного виновника преступления; Битяговский хотел спастись в стоящей во дворе Брусняной избе, но был вытащен из нее и тут же убит. Сын его Данила, с двоюродным братом Николаем Качаловым, думали скрыться в другой избе, но их тоже нашли и убили.

Наконец, нашли и Осипа Волохова. Царица указала на него как на убийцу, и он тоже тут же был лишен жизни. Рассвирепевший народ убил также несколько слуг Битяговского и посадских людей, пробовавших вступить за них. Всего было убито толпой двенадцать человек. Совершив эту расправу, жители Углича с беспокойством стали ждать, как взглянут на это дело в Москве, куда был отправлен гонец к царю с подробным донесением о случившемся.

Тело же убиенного царевича было положено в гроб и поставлено в Преображенском соборе.

По рассказу летописцев, когда гонец из Углича прибыл в Москву, то Борис Годунов заменил привезенную им грамоту – другою, в которой было сказано, что Дмитрий зарезался сам, по недосмотру Нагих, и лично доложил ее государю, лицемерно проливая вместе с ним слезы о случившемся.

Затем, 19 мая, спешно выехали из Москвы лица, назначенные для производства следствия. Этими лицами были: всецело преданный Годунову окольничий Лупп-Клешнин, по указанию которого был отправлен в Углич Михаил Битяговский, затем дьяк Вылузгин, крутицкий митрополит Геласий, также человек обязанный Годунову, и, наконец, боярин князь Василий Иванович Шуйский. Старший брат этого Шуйского, князь Андрей Иванович, был погублен, как мы видели, Годуновым, а другой брат – Дмитрий Иванович – женат на родной сестре жены Годунова, на Екатерине Григорьевне Скуратовой; что же касается до самого Василия Ивановича, то он находился в большом подозрении у всеильного временщика и ежечасно ждал своей гибели.

Назначение Шуйского во главе следствия имело вид беспристрастия, так как Василий Иванович не был человеком, принадлежащим к числу близких людей Годунова, но вместе с

тем Годунов, назначая его, конечно, отлично понимал, что Шуйский, оберегая себя, не посмеет идти против Лупп-Клешнина и покроет своим именем все его действия в Угличе.

Так, по-видимому, и случилось. По прибытии в Углич следователи осмотрели тело царевича, причем Лупп-Клешнин, увидя его, затрепетал, обливаясь слезами, и затем оно было тотчас же предано погребению.

Затем началось следствие. По рассказу летописцев, на вопрос Шуйского: «Каким образом Димитрий, от небрежения Нагих, заколол себя сам?» – все единогласно отвечали, что царевич был убит своими рабами Битяговскими и товарищами, по приказанию Бориса Годунова и его советников. Но, по приезде в Москву, Шуйский доложил государю, что царевич закололся сам, и представил следственное производство, сохранившееся до нашего времени.

По этому следственному производству выходило, что один только дядя царевича – Михаил Нагой, бывший будто бы в день убийства мертвецки пьяным, настаивал, что царевич убит; все же остальные, в том числе и брат Михаила – Григорий Нагой, – утверждали, как заученный урок, что царевич закололся сам, в припадке падучей болезни, играя с товарищами в какую-то игру – тычку, при которой употреблялся ножик. Особенно много распространялась про болезнь Димитрия Василиса Волохова. Показаний же матери царевича вовсе нет в следственном производстве.

Когда следователи вернулись в Москву, то был собран Духовный собор; по прочтении на нем следственного производства митрополит Геласий добавил: «Царица Марья, призвав меня к себе, говорила, что убийство Михаила Битяговского с сыном и жильцов – дело грешное, виноватое; просила меня довести ее челобитье до Государя, чтобы Государь тем бедным червям, Михаилу Нагому с братьями, в их вине милость показал».

Патриарх же Иов вынес такое решение Собора: «Перед Государем Михаилы и Григория Нагих и угличких посадских людей измена явная: царевичу Димитрию смерть учинилась Божиим судом; а Михаила Нагой Государевых приказных людей, дьяка Михаилу Битяговского с сыном, Никиту Качалова и других дворян, жильцов и посадских людей, которые стояли за правду, велел побить напрасно, за то, что Михаила Битяговский с Михайлом Нагим часто бранился за Государя, зачем он, Нагой, держал у себя ведуна, Андрюшу Мочалова, и много других ведунов. За такое великое изменное дело Михаила Нагой с братьею и мужики угличане, по своим винам, дошли до всякого наказания. Но это дело земское, градское, то ведает Бог да Государь, все в его Царской руке – и казнь, и опала, и милость, о том Государю как Бог известит».

Нагих привезли в Москву и крепко пытали; у пытки были сам Годунов, бояре и Лупп-Клешнин. Но, по свидетельству летописцев, Нагие и на пытке говорили, что царевич убит. Их разослали в заточение по дальним городам. Царица же Мария была пострижена в Выксинской пустыни, за Белоозером. С угличанами поступили также с беспощадной строгостью: до 200 человек было наказано смертью или отрезанием языка; многих посадили в темницы; большинство же было сослано в Сибирь для заселения города Пелыма. Самый колокол, звонивший набат, был отправлен в Тобольск, где находится и по настоящее время.

После этой расправы город Углич, бывший до того торговым и многолюдным, совершенно запустел и с той поры уже не поднимался.

Скоро, впрочем, внимание царя и народа было отвлечено в другую сторону. Убийство царевича Димитрия произошло 15 мая, а 6 июня начался страшный пожар в Москве, причем выгорел весь Белый город. 4 же июля 1591 года, как мы видели, перед Москвой внезапно появились крымцы Сафа-Гирея. Хан на другой же день побежал назад, а погоревшим Годунов оказывал необыкновенные милости, с великой щедростью раздавая им деньги, «к себе вся приправливая и аки ужем привлекаше», но повсеместно упорно держался слух, что как пожар Москвы, так и набег хана были делом его рук, чтобы отвлечь внимание всех от убийства Димитрия.

С убиением Дмитрия надежды Бориса на занятие престола, после смерти Феодора, конечно, значительно усилились. Правда, через год у царя родилась дочь Феодосия, но она скоро же умерла, вызвав общее горе и новые толки о том, что ее уморил Годунов. Обвиняла народная молва Годунова и в ослеплении престарелого великого князя Тверского Симеона Бекбулатовича, которого Грозный поставил в былые времена царем на Москве и который теперь ослеп.

Царь Борис

Через шесть лет после убиения Димитрия, в конце 1597 года, царь Феодор занемог смертельной болезнью и умер 7 января 1598 года. «Я вполне убежден, – говорит весьма правдивый голландец Масса, живший в это время в Москве, – в том, что Борис ускорил его смерть, при содействии и по просьбе своей жены, желавшей скорее сделаться царицей». Такие же толки упорно ходили и в народе.

Дошедшие до нас сведения о подробностях кончины Феодора Иоанновича сбивчивы. По некоторым сказаниям, когда бояре приступили к нему с вопросом, кому царствовать после него, то он передал скипетр своему двоюродному брату Феодору Никитичу Романову, но тот отказался и вручил скипетр следующему брату, Александру; Александр, в свою очередь, передал его третьему брату, Ивану, а от того он был передан и четвертому – Михаилу; Михаил тоже отказался и передал дальше; в конце концов, скипетр опять попал в руки царя. Тогда умирающий сказал: «Возьми же его, кто хочет; я не в силах более держать»; в это мгновение Борис Годунов протянул свою руку и взял его.

По другим сведениям, на вопрос патриарха и бояр: «Кому Царство, нас, сирот, и свою Царицу приказываешь?» Феодор отвечал тихим голосом: «Во всем Царстве и в вас волен Бог: как Ему угодно, так и будет; и в Царице моей Бог волен, как ей жить, и об этом у нас уложено». Наконец, есть также свидетельство, что «после себя великий Государь оставил свою благоверную великую Государыню Ирину Феодоровну на всех своих великих государствах».

Как бы ни было, вслед за кончиной Феодора власть тотчас же перешла к царице, и ей беспрекословно присягнули.

Народ, услышав весть о смерти государя, толпами шел в Кремль; все выражали свою глубокую скорбь, и многие горько рыдали.

Феодор Иоаннович был последним царем из дома Рюрика, давшего столько великих государей Русской земле. Непомерное напряжение всех сил на пользу Родине, которое служило отличительной их чертой на протяжении веков, по-видимому, привело в его лице царский род к истощению, или, как теперь говорят, к вырождению.

Крайняя впечатлительность и чрезмерная страстность и раздражительность Иоанна Грозного являлись, вероятно, также признаками уже начинающегося вырождения в потомстве Иоанна Калиты. Потеряв одно из отличительных свойств своих предков – большой ясный ум и исключительные способности к занятию государственными делами, царь Феодор все же полностью сохранил другие качества, отличавшие Рюриковичей: великое благочестие, сердечную доброту и большое душевное благородство.

Рассматривая его изображение, мы поражаемся, по первому взгляду, некрасивыми и болезненными чертами лица Феодора, но затем находим в них чрезвычайно кроткое и милое выражение и начинаем понимать, почему смиренно-блаженный царь мог привлекать к себе сердца всех своих подданных.

Хилый и неспособный к правлению, он оставался все-таки с головы до ног царем. Такое же благоприятное впечатление производил он и на многих иностранцев. Горсей, описывая свое представление Феодору, рассказывает: «Царь говорил мало, но держал себя хорошо».

Усопшего государя похоронили, по обычаю, на другой день смерти в Архангельском соборе. Царица Ирина была неутешна; она громко причитала над гробом, восклицая между прочим: «Увы мне, смиренной вдовице, без чад оставшейся... мною бо ныне единою ваш Царский корень конец приял».

На девятый день после смерти мужа Ирина удалилась в Новодевичий монастырь, решительно отказавшись от царства, несмотря на все просьбы патриарха и бояр, и вскоре постриглась с именем Александры. Наступило небывалое время в Московском государстве – оно оста-

лось без царя. Во главе всего правления стал патриарх, хотя указы и продолжались писаться от имени царицы.

Вопрос же об избрании нового царя оставался открытым до истечения сорокового дня после кончины Феодора.

В ожидании этого «немедленно закрыли границы государства, – говорит наш известный историк С. Ф. Платонов, – никого через них не впуская и не выпуская. Не только на больших дорогах, но и на тропинках поставили стражу, опасаясь, чтобы никто не вывез вестей из Московского государства в Литву и к немцам... Избрание Царя должно было совершиться не только без постороннего участия и влияния, но и в тайне от посторонних глаз. Никто не должен был знать, в какой обстановке и с какой степенью единодушия будет избран новый московский Государь».

Вместе с тем было приказано съезжаться в Москву со всего государства членам созываемого собора для выбора нового царя.

Князья Шуйские, как прямые потомки Александра Невского, имели бы несомненно наибольшие права на престол, если бы было решено выбрать царя непременно из потомков Рюрика. Об этом, как увидим впоследствии, Ян Замоиский вполне определенно высказывался на сейме в Польше.

Имели также большие права на престол и Романовы, как двоюродные братья почившего Феодора и как члены знаменитой боярской семьи, на протяжении столетий прославившей себя особой верностью московским государям и целым рядом выдающихся заслуг на пользу Родине.

Однако всем было ясно, что все клонилось к избранию Годунова. Этого, прежде всего, страстно желала сама царица-инокиня. Патриарх Иов, всецело обязанный Борису, конечно, также открыто стоял на его стороне и сам говорил, что имел по этому поводу немалые неприятности: «В большую печаль впал я о преставлении сына моего, царя Феодора Иоанновича; тут претерпел я всякое озлобление, клеветы, укоризны, много слез пролил я тогда».

Когда дьяк Василий Щелкалов объявил собравшемуся в Кремле народу о пострижении царицы, требуя присяги на имя Боярской думы, то ему отвечали из толпы: «Не знаем ни князей, ни бояр, знаем только царицу», а затем раздались голоса: «Да здравствует Борис Феодорович!»

Сам патриарх с духовенством, боярами и гражданами отправился просить царицу Ирину благословить брата на царство, так как при царе Феодоре «он же правил и все содержал милосердным своим премудрым правительством по вашему Царскому приказу». С такой же просьбой обратились и прямо к Годунову.

По-видимому, Борис отказывался так упорно, выжидая созыва великого Земского собора, вполне уверенный, что никто иной, кроме него, не будет избран.

Собор этот собрался в Москве 17 февраля. На него было созвано 474 человека – в том числе только 33 выборных от городов; остальные же принадлежали к духовенству, зависимому от патриарха Иова, и к служилому люду различного звания, в числе которого, как мы видели, большинство состояло из сторонников Годунова.

Собор был открыт речью патриарха Иова; в ней он прямо заявил, что надо выбрать Бориса Феодоровича, и заявил это не только от себя, но и от всего собора: «А у меня, Иова-патриарха, митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов и у всего освященного Вселенского собора, у бояр, дворян, приказных и служилых, у всяких людей, у гостей и у всех православных христиан, которые были на Москве, мысль и совет всех единодушно, что нам мимо Государя Бориса Феодоровича иного Государя никого не искать и не хотеть».

На эту речь собор тотчас же единогласно постановил: «Неотложно бить челом Борису Феодоровичу и кроме него никого на государство не искать».

18-го и 19 февраля в Успенском кремлевском храме были отслужены торжественные молебствия, чтобы Бог даровал на царство Бориса Феодоровича, а 20-го, в понедельник, на Масленице, Иов со всем духовенством, боярами и всенародным множеством отправились в

Новодевичий монастырь, где проживал Борис у сестры, и со многими слезами и челобитием молили его принять избрание.

Но он по-прежнему отвечал решительным отказом.

По некоторым дошедшим до нас известиям, Борис так долго отказывался от престола потому, что бояре хотели, чтобы он подписал грамоту, ограничивающую его права; не желая им отказать прямо, он и выжидал, чтобы народная толпа как бы насильно заставила его принять царство. При этом будто бы Шуйские, после ряда его упорных отказов, подняли вопрос о том, что неприлично более его упрашивать, а надо приступить к избранию другого царя; это и побудило Иова двинуться 21 февраля с крестным ходом в Новодевичий монастырь, подняв все чудотворные иконы. По тем же известиям, народ почти насильно стогнялся приставами для участия в крестном ходе, и эти же пристава давали ему знать, когда надо падать на колени и начинать рыдать, причем нежелающих били без милости: «Пристава понуждали людей, чтобы с великим кричанием вопили и слезы точили. Смеху достойно! Как слезам быть, когда сердце дерзновения не имеет? вместо слез глаза слюнями мочили».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.